

*Я.С. Гузей***Боксерское восстание и синдром «желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.)****Ya.S. Guzei***The Boxer Rebellion and the «Yellow Peril»: the Anti-Chinese Moods on the Russian Far East (1898–1902)**

Статья посвящена изучению общественных настроений на российском Дальнем Востоке в 1898–1902 гг. В это время в Китае началось мощное антиевропейское движение, известное под названием восстания боксеров. Среди русского населения Дальнего Востока восстание в соседнем Китае вызвало всплеск ксенофобии в отношении Китая и китайцев, который спровоцировал волну жестоких расправ над китайцами по всему региону.

Ключевые слова: боксеры, ксенофобия, «желтая опасность», погром.

Проблемы ксенофобии и толерантного отношения к представителям других национальных культур в современном российском обществе придают все большую актуальность изучению общественных настроений в исторической ретроспективе. Особый интерес в данном отношении представляет реакция русского общества на боксерское восстание в Китае (1898–1902 гг.).

Начавшееся в китайской провинции Шаньдун в 1898 г. как ответ на захватническую политику европейских держав в Китае антиевропейское движение, известное под названием боксерского восстания, или восстания ихэтуаней, вызвало небывалый всплеск антикитайских настроений среди населения европейских государств. Большой отклик происходящие события получили в Российской империи, которая не только принимала самое деятельное участие в подавлении восстания, но и имела с Китаем довольно протяженную общую границу.

Изучение реакции российской публики на события 1898–1902 гг. в Китае представляется исключительно сложной задачей, однако крайне важной и значимой для понимания механизмов формирования и распространения в обществе массовых негативных

Article is devoted to research on the public ideas in the Russian Far East in the period of 1898–1902. At that time a powerful anti-European movement known as the Boxer Uprising was started in China. The rebellion in neighboring China caused a surge of xenophobia against China and Chinese people within the population of the Russian Far East, and it aroused a wave of brutal massacres against peaceful Chinese people all over the region.

Key words: boxers, xenophobia, «yellow peril», massacre.

настроений в отношении представителей других национальных культур.

В данной статье ставилась цель проанализировать реакцию русского общества, проживающего в приграничных с Китаем регионах, на боксерское восстание по материалам дальневосточной прессы. До сих пор эта тема не была еще предметом специального изучения, хотя отдельные ее аспекты можно проследить в работах В.И. Дятлова, В.Г. Дацьшена, А.Г. Ларина, А.В. Лукина, Сунь Чжинцина, L. Siegelbaum и др.

Поскольку в центре внимания находится реакция на событие, происходящее на международной арене, основным корпусом источников в данном случае выступают материалы прессы, донесения официальных лиц о положении в различных городах империи, воспоминания и заметки современников относительно событий в Китае.

Несмотря на то, что антиевропейское восстание в Китае началось еще в 1898 г., долгое время в России на него не обращали сколько-нибудь серьезного внимания. Как отмечал редактор одной из дальневосточных газет, никто не придавал событиям в Китае «особого значения», а на Дальнем Востоке «жизнь текла своим обычным чередом» [1, с. 1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI вв.» (шифр 2009-1.1-301-072).

Тогда под российским Дальним Востоком понималась прежде всего территория Приамурского генерал-губернаторства, включавшего Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области. В 1898 г. формально здесь появлялась еще одна территориальная единица: «Русская Квантунская область» – территория Ляодунского полуострова, взятая Россией в аренду у Китая сроком на 25 лет.

Эти быстро развивающиеся территории находились на границе с Китаем и были особенно привлекательными для китайских рабочих. Согласно переписи 1897 г. в России насчитывалось около 57 тыс. китайцев, из которых 41 тыс. чел. проживали на Дальнем Востоке [2, с. 18]. Больше всего их было в крупных городах Дальнего Востока: во Владивостоке – 12577 чел., в Хабаровске – 4024 чел. [3, с. 316]. В то же время эти данные не учитывали количество нелегальных мигрантов: реальное число китайцев, проживающих на Дальнем Востоке в этот период, было, по всей видимости, несколько выше.

Отношение русского населения к китайцам здесь никогда не было особенно дружелюбным. Еще до начала восстания ихэтуаней китайские мигранты были, пожалуй, самой притесняемой этнической группой на территории Дальнего Востока. Известный американский исследователь истории Дальнего Востока отмечал, что китайцы нередко страдали от незаслуженных оскорблений со стороны русских: их передразнивали, забрызгивали грязью, штрафовали. И хотя подобные хулиганские действия были «публично осуждаемы», зачастую на них смотрели сквозь пальцы [4, с. 74].

Китайский «элемент» рассматривался на территории Дальнего Востока в качестве «неблагонадежного», способного при первом удобном случае стать авангардом китайских войск, оперирующих в тылу врага [5, с. 5]. Формированию подобных взглядов способствовал и сам образ жизни китайцев в дальневосточных городах, которые старались жить своей закрытой общиной, обособленно от местного населения.

Негативные настроения в отношении китайцев на российском Дальнем Востоке резко обострились в мае 1900 г. В это время вся европейская колония в Пекине оказалась под угрозой непосредственного нападения боксеров, и для ее защиты европейские державы ввели свои войска на территорию Китая.

Под влиянием опасений за неизвестное будущее, вражда к мирным китайцам, проживающим на территории Дальнего Востока, усилилась. В глазах населения китайцы моментально оказались «подозрительными». Появились слухи, что якобы с началом восстания «китайцы стали получать массы каких-то писем, которые вызывают среди них оживленные разговоры» и «будто бы, среди кварталов, населенных китайцами, появляется масса новых объявлений на китайском языке» [6, с. 2].

Подобные слухи рождали среди населения представление о том, что китайцы собираются напасть на Дальний Восток. Всерьез опасались осады Владивостока – ключевой базы России на Дальнем Востоке. В этих условиях проводились даже целые мероприятия по организации самообороны среди местного населения.

На Квантунском полуострове все европейское население города Дальняго, «в видах собственной безопасности, организовало нечто вроде добровольной охранной стражи» и своими средствами охраняло спокойствие города [7, с. 2]. Но это не привело к полному исчезновению панических настроений среди местных обывателей. Опасаясь шпионажа со стороны китайцев, в Порт-Артуре, как только стало известно о начале военных действий европейских держав против боксеров, моментально было «отдано распоряжение о захвате китайской минной школы» и «аресте всех служащих там китайцев», было также «принципиально решено» предложить всем китайским чиновникам «немедленно выехать из пределов» области, чтобы они не могли шпионить за действиями русских [8, л. 62].

Среди наиболее «малодушных» жителей Дальнего Востока распространялись панические настроения, которые нередко служили причиной необоснованных действий. В Благовещенске еще до объявления военного положения «благоразумные обыватели» стали обращать «свои жилища в неприступные форты и даже отстреливаться от фантастических врагов» [9, с. 5]. А в деревне Владимировка Амурской области «в одну из темных ночей какой-то усердный “патриот” бегал по деревне и стуча в окна и двери изб кричал: “Вооружайтесь косами, топорами, вилами. Сейчас нападут маньчжуры и китайцы”» [10, с. 1].

Постоянное ожидание нападения китайцев нередко становилось причиной различных курьезных ситуаций. Когда 27 августа, в полночь, в крытый тамбур, примыкающий к коридору канцелярии участка XI КВЖД, «вошла незамеченною сторожами лошадь и стала в тамбуре биться, казак и сторож, охранявшие в канцелярии денежную кассу XI участка, моментально предположили, что на канцелярию нападают “большие кулаки”. С криком: “ратуйте! Фунфузы” выскочили они в окно, перепачканные канцелярскими чернилами, которые разлили в суматохе...» [11, с. 3]. В результате, сами поддавшись панике, навели ее на всю русскую колонию служащих и рабочих участка XI. Аналогичный случай произошел и в Забайкальской области, где работавшие недалеко от своего друга приятели решили немного пошутить и, подняв «крик и пальбу», инсценировали сцену нападения китайцев. Не на шутку испугавшийся молодой человек «всполошил» не только все население своего села, но и окрестных деревень [12, с. 3].

Случаи подобного необоснованного панического страха были совсем не редкостью в это время. Не-

смотря на всю их комичность, последние, безусловно, довольно ярко свидетельствуют о тревожных настроениях, царивших среди дальневосточной публики. В обстановке, где каждую минуту ожидали самого худшего варианта развития событий, население верило слухам и с легкостью поддавалось панике.

Отчасти подобная ситуация складывалась еще и из-за отсутствия достоверных сведений. Казалось бы, ближе всего расположенное к театру боевых действий население Дальнего Востока с началом военных действий в Китае оказалось практически полностью отрезанным от остального мира и было вынуждено «получать последние известия о том, что делается в соседней области, из телеграмм Российского телеграфного агентства, идущих через Петербург» [13, с. 1218]. Неудивительно в данных условиях, что публика, жаждущая хоть каких-либо известий с театра военных действий, была готова поверить практически любому сообщению о событиях в соседнем Китае.

Панические настроения среди дальневосточных обывателей особенно усилились в июне, когда по всему Приамурскому генерал-губернаторству была объявлена мобилизация в действующую армию. С этого момента случаи насилия над местным китайским населением резко возросли: в китайских мигрантах увидели главных виновников тех проблем, которые принесли российскому населению военные действия в Китае.

Особенно агрессивно по отношению к китайцам были настроены мобилизованные в армию нижние чины. Оторванные от своих привычных занятий, они находили любой случай, чтобы поквитаться с главной «причиной» своих неприятностей. По сведениям дальневосточных газет, мобилизация зачастую выливалась в крупных дальневосточных городах в целое «рядовое побоище» китайцев запасными нижними чинами [14, с. 6].

Вопреки столичной прессе, заявлявшей о заметном «подъеме русского боевого духа» [15, с. 286.], дальневосточные издания более скептически оценивали его состояние: «вообще в запасных, разумеется, в худших представителях, не заметно подъема духа, а напротив, настроение критическое и недоброжелательное...» [16, с. 5].

На избияния и оскорбления мирных китайцев русским населением стражи порядка зачастую смотрели сквозь пальцы. Кроме того, нередко были и случаи, когда сами городские принимали участие в избияниях. В такой ситуации обращение китайцев к содействию местной полиции было крайне редким явлением.

Случаи участвовавшего насилия над мирными китайцами заставили администрацию Дальнего Востока принять самые решительные меры к пресечению безобразий: закрывались питейные заведения, издавались указы военных губернаторов, грозившие строгим наказанием за учиненные расправы. Тем не менее

принятые меры мало способствовали пресечению жестоких расправ и оскорблений китайцев.

Среди белого дня на благовещенском базаре на глазах у караульного обыватели позволяли себе бесплатно брать различные товары у китайцев, «совершенно смело наливать в ведра постное масло и насыпать в мешки разное зерно» [17, с. 6]. Мальчишки били китайцев камнями, в то время как сидевшие на лавочке взрослые находили, что «“тварь” вполне подходящая мишень для метких выстрелов их детей» [18, с. 4]. Маленькие дети растаскивали у продавцов-китайцев их товары, особенно, фрукты [19, с. 1160]. Русские пассажиры на железной дороге были «страшно недовольны» тем обстоятельством, что им приходится ехать в одном вагоне с китайцами [20, с. 2].

Передавая общие настроения дальневосточной публики, пресса отмечала, что среди «некультурной черни или дикарей цивилизованного общества» нередко в этот период раздавались возгласы: «Нужно гнать китайцев: они наши враги» [21, с. 5]. По заявлениям газет, «даже и от интеллигенции сплошь и рядом» приходилось «слышать далеко не миролюбивые пожелания и намерения относительно торгующих китайцев» [22, с. 2].

Всплеск антикитайских настроений на Дальнем Востоке спровоцировал панику среди местного китайского населения и вызвал массовый отъезд китайцев на родину. Опасаясь за свою жизнь, они стремились поскорее «распродаться» и покинуть ставшие небезопасными для жизни дальневосточные города. Для успокоения «смятения» среди китайцев дальневосточная администрация принимала различные меры, но они не особенно помогали: китайцы все также продолжали толпами переселяться на маньчжурскую сторону.

Примечательно, что отъезд китайцев иногда воспринимался населением как самое яркое подтверждение слухов о готовящемся нападении на Дальний Восток, что еще более усиливало враждебное отношение местного населения к ним.

В подобной ситуации достаточно было малейшей искры, чтобы произошел «социальный взрыв». Именно таким «взрывом» стали трагические события, разыгравшиеся в июле 1900 г. в городе Благовещенске, когда неожиданный огонь с китайского берега Амура, открытый по городу, спровоцировал среди местного населения панику. Крайне тревожное настроение населения в городе не замедлило отразиться на мирных китайцах, проживающих в городе. Как отмечает В.И. Дятлов, довольно подробно исследовавший данный сюжет, с началом обстрела на китайцев посмотрели другими глазами: «заметили, как их много, как велика зависимость от них. А самое главное, реально ощутили, как далека Россия и как близок и огромен Китай, ставший вдруг враждебным, способным без малейшего труда поглотить и растворить в себе весь их маленький и оказавшийся совершенно беззащитным

островов империи» [23, с. 125]. Дальнейшие события развивались довольно стремительно: от 3000 до 3500 китайцев, по приказу военного губернатора Амурской области К.Н. Грибского, были собраны на берегу Амура, и в принудительном порядке их заставили переправиться на другую сторону реки. В результате такой переправы многие китайцы просто утонули в Амуре. Как резонно отмечала газета «Амурский край», в тот момент «над всеми соображениями преобладал страх перед вторжением китайцев» [24, с. 2].

Трагедия в Благовещенске получила дальнейшее развитие по всей Амурской области: паника в городе привела к массовым убийствам маньчжур и китайцев по всей крестьянской округе. Полицейские приставы сообщали в окружное полицейское управление, что «всего в 8 волостях найдено 444 трупа, однако в уголовном деле отмечалось, что это явно заниженные цифры» [25, с. 92].

Примечательно, что главная официальная газета Благовещенска, цензором которой являлся сам городской глава А.В. Кирилов, долгое время хранила полное молчание о трагической расправе над китайцами в городе. Маленькой строчкой о выдворении из города китайцев ограничилась другая благовещенская газета – «Амурский край». В связи с этим сообщение о гибели почти всех китайцев, проживающих в Благовещенске, было на первых порах воспринято во Владивостоке как вздорный слух. Лишь только спустя три недели, в самом конце июля, отвечая на острую критику, высказанную другими изданиями в адрес благовещенцев, «Амурская газета» писала, что «взрыв народных страстей, свидетелями которых мы были в последние дни, ничего не доказывает»: «во время войны люди неизбежно озверевает и самые низменные инстинкты вырываются наружу» [26, с. 1390].

Таким образом, анализ дальневосточной прессы показал, что начало широкомасштабных действий бок-

серов в мае 1900 г. спровоцировало появление крайне тревожных настроений среди русского населения Дальнего Востока. Многие обыватели жили в постоянном ожидании нападения китайцев на Дальний Восток. «Желтая опасность», некогда волновавшая умы интеллектуалов, приобрела самое реальное воплощение в глазах дальневосточных обывателей. Однако рассуждениям простой народ предпочитал решительные действия: главных виновников происходящих событий на Дальнем Востоке увидели в мирных китайцах. Последние оказались невольными заложниками сложившейся ситуации, удобным «инструментом» для выплеска негативных настроений толпы. Страх перед неизвестным будущим, опасение за родных и близких не оставляли в сердцах людей места для сострадания: в китайцах здесь видели представителей враждебного мира, главную угрозу безопасности мирных жителей.

В то же время среди населения находились, однако, и те, кто не разделял всеобщих ксенофобских настроений в отношении Китая и китайцев. Даже во время погрома в Благовещенске некоторые жители города пытались вступить за китайцев, однако, по мнению очевидца, их «винили в измене и предательстве» [1, с. 30]. Таким образом, неверно было бы полагать, что настроения нетерпимости были присущи всем жителям Дальнего Востока.

«Китайская война» завершилась для России победоносно. Боксерское восстание было подавлено силами восьми европейских держав довольно быстро, однако этот драматический эпизод надолго оставил след в сознании русского народа. Еще долгое время спустя мальчишки на улицах продолжали играть в войну между «русскими» и «китайцами», в зале военного собрания в Хабаровске слушали самые различные доклады о Китае, а в журналах и литературе продолжали печатать заметки и воспоминания о «китайской войне» и рассуждать о «желтой опасности».

Библиографический список

1. Кирхнер А.В. На память о событиях на Амуре. – Благовещенск, 1900.
2. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня : исторический очерк. – М., 2007.
3. Siegelbaum L.H. Another «Yellow peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. – 1978. – №12.
4. Stephan J.J. *The Russian Far East: A History*. – Stanford, 1994.
5. Хроновский С. Путевые впечатления от Владивостока до Хабаровска на военном положении // *Владивосток*. – 1900. – №31. – 30 июля.
6. Китайцы и цензура // *Дальний Восток*. – 1900. – №80. – 9 июля.
7. Хроника // *Новый край*. – 1900. – №65. – 21 июня.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 156.
9. У страха глаза велики // *Амурская газета*. – 1900. – №26. – 27 июня.
10. Городская хроника // *Амурский край*. – 1900. – №73. – 28 июня.
11. У страха глаза велики // *Никольск-Уссурийский листок*. – 1900. – №11. – 31 авг.
12. Село Шилкинское // *Забайкальские областные ведомости*. – 1900. – №94. – 22 авг.
13. *Амурская газета*. – 1900. – №26. – 25 июня.
14. Местная хроника // *Амурская газета*. – 1900. – №26. – 25 июня.
15. Война в Китае // *Русский Вестник*. – 1900. – Июль.
16. Хроника // *Владивосток*. – 1900. – №26. – 25 июня.
17. *Амурская газета*. – 1900. – №28. – 13 июля.
18. Живая мишень // *Амурская газета*. – 1900. – №26. – 23 июня.

ИСТОРИЯ

19. Местная хроника // Амурская газета. – 1900. – №25. – 18 июня.

20. Китайцы на железной дороге // Никольск-Уссурийский листок. – 1901. – №30. – 21 апр.

21. Владивосток. – 1900. – №30. – 23 июля.

22. Положение китайцев в Иркутске // Никольск-Уссурийский листок. – 1900. – №10. – 27 авг.

23. Дятлов В.И. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий // Евразия. Люди и мифы. – М., 2003.

24. Городская хроника // Амурский край. – 1900. – №75. – 7 июля.

25. Дацышен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900–1901 : дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1995.

26. Амурская газета. – 1900. – №31. – 30 июля.